

О Б Р Ы С Л О В А

Дмитрий Чёрный
г. Москва, РФ

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

рассказ

фотографии Алексей Шпак, *г. Днепрпетровск*

вышел из здания вокзала окрылённый. точнее было бы сказать – околёсённый. или, традиционное, но и парадоксальнее – колесованный.

билет в плацкартный вагон куплен, причём, по цене ниже моих ожиданий – четыре триста, в то время, как летом он стоил все шесть. очередь отстоял при этом небольшую, а боялся вообще не успеть – поздновато добрался до вокзала. мы с женой расстались в городе: она поехала домой налегке, я же, взяв шуршащие нагруженные пакеты, отправился за билетом, не питая больших надежд и уже смиряясь с мыслью лететь на самолёте за ещё большие, чем летние купейные, деньги. однако, с карточки, уже безналично, что тоже отчасти приятно (не худеет кошелек) – отчислены небольшие деньги, гарантирующие мне возвращение в столицу ко сроку. единственно, чего я не успел – сказать кассирше, чтоб

* не страховали. страховка – этакий налог по умолчанию, бес-

Алексей Шпак;
фотохудожник, г. Днепрпетровск

| фотографии из цикла «Сны городов», Днепрпетровск 1980-е гг.

смысленный и незаконный даже: в случае катастрофы похороны всегда оплачивает государство, так что дважды этак страховаться даже смешно. вот я и улыбнулся, когда кассирша протянула мне чек Транскредитбанка: эта подпись и эта страховая сумма как бы и были моим автографом благодарности и платой за разрешение всех волнений, за безналичное обилечение, выражаясь старомодно.

и вот, вышел в осень сибирскую, возвышенную закатным ещё небом — с тем ощущением лёгкости, которое даёт билет не только на самолёт с серебристым крылом, но и на поезд с более серебристым, даже блестяще-отполированным колесом. но от меня тут через неделю не останется и тени... странная эта диалектика чувств: и приятно приезжать, но и уезжать приятно. не потому что надоело — нет. а просто так именно, расстоянием в три с половиной тысячи километров, измеряется теперь моё стремление к новым родным. расстояние это помноженное на время — месяц здесь, месяц дома, — даёт формулу моего нынешнего бытия в движении, отчасти тоже пропетого Цоем в песне про странный стук...

стою на невидимой, известной только томичам, остановке тех автобусов, которые довезут до Академгородка — а это отсюда не так далеко, но маршрута, идущего по кратчайшему расстоянию нет в расписании здешних маршруток. кратчайший, как ни странно — это железнодорожный путь от вокзала Томск-1, откуда я отбуду, до Томска-2, если б можно было сойти на полпути. там от моста можно пешком дойти за полчаса. автобусная же логика движения — иная. ПАЗики подкатывают один за другим к остановкам, но ни на одном не красуется имя нашей достославной части города.

зная, что быстрее всего ехать тридцать четвёртым, я, всё ещё движимый радостью от покупки билета, избегаю зачем-то в тридцать третий, на котором указан наш Академ финалом маршрута. на всякий случай уточняю (мне и советовали так делать, тут бывает, что

едут не туда, а сюда в зависимости от времени суток) у шофёра:

— До Академгородка доедете?

— Доедем...

он молодой, ровесник мой, или даже помладше – худой шофёр в районе тридцати, с бородкой альтернативщика, делающей его, скорее, моложе. зря я не уточнил – когда доедем, но теперь-то поздно выпрыгивать, поехали. я сел сразу к окну, на сидение по ходу езды, прямо от двери которое (если вы представляете себе планировку ПАЗика, в Москве они занимаются исключительно похоронным извозом), переглянулся с пацанёнком, сидящим на сидении прямо у мотора с другого борта автобуса, и подмигнул ему: мол, раз указан Академ, так доедем. мальчик настолько мал, что не говорит – при нём мама студенческих или аспирантских лет, но вида неучёного. а ведь Томск – город студентов... свернули к Южной, там-то мы и закупались...

самое время возвращения с работы, поэтому автобус полон – хорошо, что мне нашлось с моими пакетами место. здесь пакеты называют исключительно майками. когда спрашивают кассирши «Маечку?»

—всегда не сразу расшифровываю вопрос, думаю про какие-то фирменные майки магазинов. на Украине же всё тот же пакет носит название «кулёк», и никак иначе — сие узнал я ещё в конце восьмидесятых не от кого-нибудь, а от сына достославного «огонькового» Коротича, так говорила его мама, да и папа оттуда родом... вот и постигай этот говор, этот город!

на Южной, поскольку мы едем на маршрутке (в Сибири, как и всё прочее, масштабы маршруток больше московских газелек) — усталый серокожий дядька с неровной щетиной, начинающейся прямо из-под кепки, звякнув оплатными монетками в руке, попросил шофёра: «У самолёта». там когда-то стоял самолёт, украшение района. мы же после этой незапланированной остановки берём круто вправо по Красноармейской, длиннющей улице, пересекающейся со знакомой мне улицей Фрунзе лишь противоположным краем своим. но мы доходили отсюда с женою туда в морозные дни последней зимы...

ощущение, будто уже
это поезд, моё долгое
возвращение – при-
ветливо гляжу на
вечер рабочего
дня,

и вечер
наступает – пока только закатными от-
блесками в окнах, усиливающими осенние ощущения.

хоть в салоне всё теснее становится.
вот уже с Красноармейской берёт через
встречную полосу влево молодой шофёр.
кинотеатр слегка подновлённый, детский
клуб, конечно же нужный томичам – всё
тут расположено разумно, но скомпоновано
сумбурно, нередко с нахлёстом веков друг на
друга, минуя двадцатый. однако сейчас как
раз плавно текут силикатные пятиэтажки
годов шестидесятых, меж которых вдруг под-
новлённым евробОком вылезает некий завод,
и при нём комфортабельным щедро освещён-
ным ларьком пивная – понятно, это тот самый
«Крюгер». и туда сейчас как раз и втекают после
работы мужички. вот куда надо б заглянуть с де-
густацией тёмного, светлого, крепкого, редкого.
показательная пивная.

здесь осень ярче московской и даже подмосковной
во много раз: выезжая уже по улице Кирова к универ-
ситетским кварталам, вижу такой пожирающий любое
внимание листопад, что кажется, все последние листья
сейчас и падают, хотя ветер несильный. вот справа акку-
ратное неоклассическое здание КГБ, которого прежде боя-
лись диссиденты, а теперь – это серенькая ФСБ, и памятник
чекисту двадцатых годов стоит сиротливо, преданный, ведь
сбоку втемяшились соглядатаи, перестроечные мемориалы,
намекающие на ненужность и даже вредность проделанной
бородатым большевиком-романтиком работы... слева под опа-
дающими кущами у одного из бесчисленных вузов есть и Кол-
чаку посвящённый мемориал – свежевывербленные в камне
строки недавно прошедших лет, не вычеркнутые пока новой ре-
волюционной бурей. подмечаю всё это, пересаживаясь, пока сво-
бодно - на сидение, которое позади меня, обзор тут получше и не
так жарит тепловой выхлоп из мотора, выведенный для обогрева
салона уже по осенне-зимнему (а, скорее всего, круглогодично).

листопад, как возвращающиеся домой студенты и трудяги, — численно всё усиливается. мы свернули с горки направо к университету, и слегка до этого опустевший салон забивается молодым притоком. как в достопамятной телеигре «Спортлото», люди перекатываются друг о друга этакими шарами с номерками своих возрастов, и, в конце концов, на диванчик, примыкающий спинкой через рекламную перегородку к спинке водительского кресла, падает студентка, блестящая взглядом, раззадоренным этим внезапным спортивным состязанием. шатенка с вьющимися или подвитыми волосами, красивая.

не могу сказать, что разглядел её сразу. однако, уже проезжая ТГУ, понял, что расположение наше визави как-то и автобусом всем отмечено — сидящая у окна рядом с ней лет сорока пяти женщина, до этого хмурая и понурая, кажется, заулыбалась и деликатно загляделась на учебные кварталы, почувствовав даже раньше меня мост некоего внимания. не то, чтобы взаимного — скорее, переблёскивание взглядов. вот так автобусы венчают!

и не успеешь отвлечься, задуматься — чтобы оправдать частое возвращение зрачков к красивой цели... да, она из перетекающей по автобусу массы неизменно выделяется, даже когда её закрывают животы и спины. её яркость и пропорции лица — порядка Барбары Брыльски, какой её видел и преподносил Рязанов. даже что-то вызывающее в такой красоте есть — а всего-то на всего девушка при макияже, с лекций едет, на-верное.

что есть красота — трудно понять в статике. хотя, мы-то относительно друг друга не двигаемся (только на неё иногда налегают полами одежд передающие таксу шофёру). красота это ритм и сила — нажим, магнит. знакомый уже «левобережный» пейзаж проспекта Ленина не держит,

она
отвлекает,
безымянная. сейчас и
автобус заметит, как часто
я «рисую» её...

странный неуют теперь и непокой
ощущаю в местах, где с женою много раз про-
езжали. и рассвет самого центра, местного Белого дома —
не радует как прежде, а тревожит, томит. такие они — томишки...

интересно, где же сей маршрут поворачивает? где-нибудь за ЦУ-
Мом? а дальше-то я пока и не бывал... спрашивать неудобно как-то — да

и выгляжу ярковато, в рубаше европейского образца тяжёлотканной, полосатый, будто шмель. всем кажется, что это цвета Билайна, хотя вместо чёрного тут тёмно-синий. однако готовность категорий говорит всем что чёрный. жёлтый ярко по-летнему, хотя одежда как раз на осень — моя личная униформа из девяностых, подаренная ещё первой любовью. вот спросишь соседа так, а он решит, что я билайновский рекламный агент. и в транспорт пролезли, заворчит... или просто сам спросит.

да и зачем спрашивать? уж доеду молча — как-то глупо выглядеть буду и перед томичкой безымянной. её гордая шея словно призвана быть постаментом красивого и лишь самую чуточку надменного лица — чтобы выделяться на фоне сливающихся с транспортной и заоконной серостью пассажиров. мечтает о будущем за пределами Сибири? несомненно — студенчество ведь пора и во многом реальное основание именно таких грёз.

уже и ЦУМ миновали, и тут-то автобус наш взял круто вправо как раз на перекрёстке далее которого я не ездил, отчасти оправдывая ожидания — это как раз гипотетически в нашу сторону, так как до сих пор мы лишь удалялись от Академа... всё новые соседи студентки замечают нашу очную ставку. и ставки сделаны — мы как бы не замечаем друг друга, но урываем черты лиц в самый неожиданный момент. уверен, мой бурсацкий профиль и особенно идейно устремлённый нос смотрящего в окно не остался незамеченным...

вечер тут уже очевидный, требует включить сигнальные огни машин, окружающих нас

этаким нерестом. мы едем с поворотом вправо вверх куда-то – томские резные и тёмно-древние «деревяшки» выглядывают с неожиданных земляных возвышенностей. слышал я, что где-то тут, на горе Каштаке (на шашлыке, на шампуре, на вертеле) находятся то ли бани, то ли автосалоны – автобус увёз-таки меня в совершенно непредсказуемую даль. и игра становится всё интереснее.

её глаза выражают во-первых удовлетворённость тем, что заметили. а то едешь так, едешь, привыкаешь уже... во-вторых, глаза её внимательны и неспясны, что тоже плюс. занятые нехарактерным для пассажиров транспорта делом, мы теряемся в догадках. а за окном на широком, нехарактерном перекрёстке, похожем на ленинградскую рядовую площадь – ещё захвативший часть освещённого пространства, тот самый конструктивистский фрагмент центра Томска, который видел я лишь на открытках или на телеэкране. дом, распахнувший прямоугольные объятия своего желтостенного гостеприимства. вот и дом подпевает словно своими ровно освещёнными широкими и высокими окнами: чем дальше, тем интереснее.

угадываю, что сейчас мы едем почти параллельным проспекту Ленина путём, но обратно и как бы по другому краю Томска – успокаиваю себя. где-то пересечём улицу Красноармейскую, а она точный признак приближения нашей окраины... интересно, куда едет, где сойдёт она – успею ли я рассмотреть и размыслить (размусолить взглядом) её? одета в поблескивающую отдельными ниточками фиолетовую кофточку, тёмные джинсы, какие-то золотистые бусы поблёскивают, придавая весомости и изысканности её юной лицевой красоте.

чтож,
я, наверное,
ярчайший (минимум – рубахой) делегат
автобуса на переговоры
очей с Мисс Тридцать
Третий...

н а ш
выезд на Красноармейскую произойдёт явно не в то время
и не в том месте, как мне казалось – словно эти большие карие глаза девушки напротив отвлекли и сманили куда-то в сторону весь автобус. старательно гляжу, пытаюсь отвлечься, в окно – там уже длинный завод Сибкабель и

некая ночная улица с домами-«деревяшками», то ли из сказки, то ли из сна. салон наш короткий пополняется работягами, всё ещё трудящимися на хиреющем и планирующем переезд в Казахстан, где дешевле электричество, заводе... заводчане вносят дух металлический и пивной, мисс автобус этому не рада, однако я замечаю такую самодостаточность в её глазах, тоже, как и я, умилённых старотомскими постройками, что не стоит беспокоиться.

вот же: я беспокоюсь уже! и верно: беспокойство нарастает, как во время сватовства. на коленях у меня невидная девушке сумка-майка, и это успокаивает. впрочем, ей нет дела до моей сумки — осторожность наши глаза по-прежнему соблюдают. Красноармейскую мы как-то дугой, с неожиданным поворотом у овальной клумбы, всё же пересекли, но въехали не в район улицы Сибирской, на что я очень рассчитывал (ведь там проходит родной, на единицу старший брат Тридцать Третьего)... происходящее кажется всё более сном, пока темнеет за окном.

тут-то я и вспоминаю о зеркальности — неменном атрибуте снов. когда ехали в обратном направлении, и именно по той части Томска, куда я не заглядывал — это и было как во сне, где сбываются желания. и девушка — кто знает, не одна ли она из тех, что услужливо вспоминаются или выдумываются в период воздержания, не тобой инициированного? а Тридцать Четвёртый? не он ли тоже завёз меня в здешнее зазеркалье — так и было, когда я отправился на вокзал, за билетом, из Академа. тоже проявил рассеянность, поверил надписи с упоминанием Томска Первого, а в итоге заехал в края, где Томск Второй. зеркала — точно, зеркала! и она, напротив, слегка подзавитая, не меня ли самого отражает в женском обличье?

заехал в такие окраины на том Тридцать Четвёртом, что пришлось у кондукторши длинного автобуса с неизменным логотипом правящей партии чинуш выведывать, как теперь назад-то вернуться. она и подсказала доехать до самых дальних далей, связующихся почти по прямой с Томском Первым, в конце концов. там я пересел на маршрутку и прибыл-таки на вокзал, увидев попутно новые районы, значительно дальше вытянутые, нежели представлял я, оглядывая их с наших околואкадемских высот... было это летом, в жару — и улица, под которой тут обнаружился внезапный для меня подземный переход, вполне могла бы оказаться московской, окраинной, населённой повсеместными тенистыми пятиэтажками. десятки лет живи в Москве — не увидишь, не заедешь... такими они во снах и бывают, районы неведомые, и сюжет-то типичный для сна.

не в будущее ли на
много лет вперёд мы там
заезжаем на голубых автобусах
сновидений?

Тридцать Третий малыми улочками пробирается как раз туда, во
Второй микрорайон (кто-то спросил, доедет ли), откуда я спешил убе-

жать, завезённый неправильным его, но муниципальным, партийным братцем, пророчащим возрождение транспорта (а когда он умирал-то, муниципальный – то есть общественный?). вот, значит, куда, в какие края и какую ситуацию я купил билет свой железнодорожный, сам того не подозревая.

девушка
напротив не выходит, она, как и я,
серьёзная пассажирка, надолго...

мы заехали снова к избам, к одноэтажным кварталам, и наша очная перестрелка стала бы почти слитной, непрерывной, выстрелы не одиночные, а очереди – но меня спас звонок из дома. ты очень вовремя звонишь, мама, и я отвечаю оживлённо, всё более поселяясь взглядом за заборами и деревянными стенами в подробностях древнего быта. приятно слышать голоса гостей – вы собрались без меня, но я ощущаю семью на расстоянии трёх с половиной тысяч километров. и я дорог вам как начинающий семьянин – вот с этими сумками и выпукло золотящимся узеньким кольцом на пальце. это я, посланный сюда вашей радостью...

но я ловлю себя, что даже голосом, ответами оптимистическими я рисуюсь, я работаю на два фронта – неисправимый авантюрист... впрочем, я всё же вспомнил, что только проездом в этих почти деревенских кварталах, если, конечно, автобус не поменял, как бывает уже только во снах, свой маршрут и не передумал везти меня домой. домой...

она глядит на меня, когда я не гляжу – спокойно, внимательно, дружелюбно, это я вижу боковым зрением, которое у мужчин считается многими опрометчиво слабым. моё - хорошее. контакт этот даже без прямого взгляда теперь не разорвать. дерзость моих первых взглядов была чем-то вроде приглашения на танец – и вот, мы кружимся в неизвестном мне вальсе на поворотах уже откровенно новосельных панельно-бревенчатых кварталов. что-то узнаю из поездки на Тридцать Четвёртом – впрочем, молодой водитель снова повёл автобус в неведомом мне направлении. и, как во сне, где теряешь речь, не могу я никого спросить. мелькают пивные, их больше и чаще можно тут встретить, чем можно было подумать в центре Томска – что поделаешь, это и есть дома нынешнего быта. и работяги Сибкабеля пойдут сперва в них, дышать испариной хмельной, а потом уже домой, к семьям и телевизорам...

я проникся не симпатией даже, а каким-то подобострастием ко всему населению здешнему, так как вырван из знакомых мест, координат, и единственное, за что я могу ухватиться – это карие глаза, это её стройная осанка и в освобождённом от сидевших передо мной теперь пространстве видное разное. нет, это не чёрные джинсы, это нечто более обтягивающее и блестящее, близкое к лосинам. более агрессивное, но сейчас благоволящее. наши взгляды заочно схватились друг за друга и будто подгоняют друг друга, и смотрят за окно друг другом. и мне всё приветливее башни новостроек, а молодой бес-шофёр всё безжалостнее закручивает своим рулём мой компас, мою ориентацию, и я отчаиваюсь уже понять, как далеко мы уехали.

а она смотрит приветливо – на сорок пять градусов правее меня, в окно, но в моём направлении. наши взгляды, таким образом, образуют угол в девяносто градусов, прямой. иногда в отражении, когда крошечная ночь без освещения несётся за окном, я подсматриваю её эмоции. ей всё интереснее наш путь. хорошо, что я выбрит, но плохо что кольцо – однако правая рука не показывается из-за кулис сидения пока. что нам делать? примут ли нас эти районы, подъезды – наверное, и тут кодовые замки? или сюда они не добрались?..

карие глаза – взаимные магниты.
выйти вслед за ней,

говорить, глядя на её юные, но почему-то кажущиеся уже опытными губы – целовать их комплиментами, тянуть её в подъезд холодной каменной башни с венцом, напоминающим императорскую корону, стянуть с неё вихрем страсти лосины её, припереть к нагретому дневным солнцем стеклу лестничной клетки, увидеть вместе сотни зажжённых окон, куда разошлись пассажиры маршруток...

что за бред? я семейный человек! в моём пакете – детские каши и фруктово-овощные смеси в баночках, это ценнейший груз. «всю свою жизнь я сумку охранял» - спел Егор Летов, живший недалеко тут, по меркам сибирских расстояний. в моём случае – сумка меня и мою жизнь охраняет. мой якорь! всю свою жизнь я сумкой охранял...

а ведь всего-то надо пересечь ровно на одно сидение вперёд и заговорить с ней прямо – сейчас уже запросто, ведь салон почти опустел. догадываюсь, что мы вползли на те холмы, что казались мне с нашей поворотной возвышенности дороги домой – самыми дальними, туманными далями, уже даже не Томском, за Иркутским трактом где-то... я и не могу никак понять – когда же этот

город кончится, ведь все прогнозируемые отрезки времени, за которое его проезжаешь на глаз, истекли. а город и не думает кончатся, а город заманивает меня своей дочерью-красоткой, институткой...

как он подобрал момент, этот коварный город ссыльных! драгоценное прибавление в семье, увы, полностью исключило взрослую негу в нашей постели, уже год, как мы не супруги телесно. тут ничего странного: вся нежность жены адресована не мне, а созданию нашему, которому она нужнее. я-то уже бывалый тип, могу и повременить ради общей драгоценности. но самому по-прежнему хочется нежить женскую неизведанность... вот такую юную и неприступную, хочется раздеть её в том смысле, что – скинуть не только её нарядность, но и автобус с неё, стены её родного микрорайона. скинуть всё лишнее, грубо и точно, как скульптор, руками чующий в камне очертания тела богини... и верно: этот чёртов бывалый оттого и пялит ненасытные очи, это прошлый я, живший вне регламента, всякий раз вот на такие встречи рассчитывавший и ставивший на случайное рифмованное число, хоть на тридцать три вот, всё своё прошлое, ва-банк...

вобравший ближайшие деревни, чтобы отсюда созывать рабочий класс на смены гудком некогда, Томск вынужден юлить тут деревенскими улочками и вывесками. и я юлю мыслями, жаркие окна новостроек и одинокие окна изб подогревают воображение – неизвестно, как этот пасьянс сложится, если я выскачу за незнакомкой. и главное – где выскочу. знаю, что есть тут откровенно бандитские испокон двадцатого века районы, где могут прирезать незнакомца просто из-за вида его пёстрого. а тут, к тому же, не пустой – сам привёз, чем поживиться. ублюдки-уркаганы-убийцы закусят водку детским питанием с грубым хохотом, чокнутся трофейными баночками, налив ровно по пятьдесят...

игровая двусмысленность может вгонять в ступор нерешительности или же веселить – что-то произойдёт... но тут снова вовремя раздаётся вибрирование в кармане, это звонит жена, словно чувствует моё жжение-напряжение на расстоянии. и двери открылись как раз, остатки салона вываливают, платят кондукторше, ранее мной незамеченной.

– Ты где?

– Да вот еду всё, сел на тридцать третий вместо тридцать четвёртого.

– Ну, это ты долго будешь ехать. А мы ждём папочку на тётчины пироги и даже пиццу!

– Еду-еду... Пока!

– Пока-пока.

входящие спрашивают: «До Авангарда идёте?». это концертный зал, где выступают столичные попсари и рокеры, кажется – и он точно в какой-то запредельной от нас части города. куда же мы всё-таки катим?! что-то мне перестаёт всё это нравиться. но девушка напротив, слышавшая мои короткие реплики, нравиться продолжает. она снова будто ничего и не слышала, оглядывает зашедших, даже кому-то пояснила, куда автобус идёт. меня теперь волнует вопрос: она проехала свою остановку или нет? кто из нас держится за другого, а кто нет? я-то до упора еду, а вот она?

вошедшие расположились в задней части салона. теперь спереди – только я, она, да семья водителя – как я раньше не догадался? – жена его молодая это кондуктор, а сынишка их за компанию, оставить не с кем. жена шофёра на меня всё время, принимая червончики и пятаки, глядит весело. она заметила, что я здесь старожил, уже около часа еду, равно как и девушка, и что-то нас держит...

чтобы вести разговор, надо снять кольцо, по возможности незаметно. засовываю правую и весьма неправую сейчас руку в карман, тихо оставляю там кольцо – визуальное предательство совершено, обман начинается... на некоторых остановках стоит столько народу, что ясно: автобусы тут редкость. они лезут из осени, из прохладного уже вечера в наш салон, как в последнюю возможность покинуть хмурые кварталы частного сектора. это вроде Подмосковья, где заборы резко сменяются панельными возвышениями...

наконец, долгожданная зашедшими прежде, какая-то крупная остановка у торгового центра и снова пивных – вымывает из салона всех, если верить ушам, оглядываться-то тоже не полагается. сейчас уже два внимания обращены на меня – жены шофёра и институтки. да, флирт-шоу может начаться в любой момент. и этот полосатый весьма красноречив, если решится.

груди у неё нет практически – настолько юна и не наполнена веществом будней первокурсница. но видно, что непопсОва её красота – лицо сообщает многое. главное – внутри, чёрт меня побери. её спокойный взгляд в окно показывает, что волнение в данный момент – только на моём полюсе. мужчины вообще взволнованный вид – им надо стараться в отношениях с женщинами, всегда, они являются двигателем и питанием... теперь я поигрываю своей некольцованной кистью – но ей и дела нет до этого. достаёт свой мобильничек с какой-то висячей на нём игрушкой, прошлогодняя школьница... прямой угол наших взглядов сохраняется. она при этом придвинулась к окну, чтобы оказаться напротив меня совершенно. а снизу там, под коленом её в лосине – жарит пахнущий слегка нефтепродуктами выхлоп мотора, я это прекрасно знаю. так устроен автобус – зимой этот подогрев радует продрогшие на тридцатиградусном морозе ноги, но сейчас, в тёплом октябре, да ещё девушку... однако она терпит.

надо спешить, по идее: чем дальше, тем больше вероятность её выхода. а я не успею сказать ни слова. о чём говорить? о, можно пообещать ей студенческие каникулы в Москве – не в первый раз, тут фантазия и импровизация беседы не подведут. краснодарскую девственницу однажды так завлѣк. надо только сделать этот шаг на одно место вперѣд: оставить сумку на своём и сесть напротив неё.

а новостройки всё кружат голову, а автобус всё извилистее едет вдоль каких-то заводских бетонных оград и крошечной тьмы, прореженной фонарями. и я улущаю момент, чтоб оглянуться, как бы любуясь ночным пейзажем: в салоне позади нас нет ни души. что же это, если не судьба – из всего автобуса оставить лишь двух пассажиров и трясти их на круговых развилках, проверяя прочность сцепки взаимного внимания и чаруя пасьянсами окон?

и вся шофѣрская семейка, включая сына, глядит на нас. меня разбирает нервное веселье. просто не могу уже не улыбаться – я это устраиваю, может, чтоб показать ей, что сдаюсь. но выходит, что колеблюсь. немужское поведение: в таких ситуациях ожидают только решительности и нажима... а я отдаюсь полностью видимому всему за окном – улыбаюсь побеждающим меня пригородам, тем самым местам, где возможен наш совместный выход.

если выйду, то другого автобуса в сторону дома не будет. да и опаздывать далее некуда, и так уже ждут, волнуются – это будет выход из всей сложившейся до сих пор жизни, из своего проекта. выход наугад, так как там – либо страсть и квартира каких-нибудь её друзей, а если уж повезёт, то её пустующая квартира...

честный вход в неизвестность, как из поезда посреди полей случайной бестаможенной республики, выход на бис, на милость города, который может распахнуть недельные хмельные и страстные объятья, повести по квартирам знакомых её, а может и прирезать или избить всё в той же компании... но прошли времена такого наобума – девяностые.

обращаю, наконец, прямой, долгий, откровенный взгляд в её большие карие. однако она, давая себя разглядывать, привычно выпрыгивает вниманием в окно, на этот раз уже без тени улыбки и симпатии на лице. что-то не испуганное даже, а надменное и хмурое мелькнуло в карих и вокруг них. да, я просрочил женское ожидание – а моё веселье-шоу, придурковатое и дурашливое, могло зарекомендовать меня только как сумасшедшего, зависшего в точке принятия решения, внутренне хохочущего над своим хотением её.

в этот момент – настало время её (законного по правилам игры) звонка другу, точнее, он звонит ей. она улыбается как-то лично, видя имя на мобильном, говорит без какого-либо акцента, образованно так говорит – теперь мне, в ответ на речевую грацию реплик москвича, являя свою...

– Нет, вот еду пока...

– У меня всё прекрасно. (на последнем слове глядит иронично на полосы моей рубахи)

– Да, вот прям все пары о тебе только и думала... (всё с той же, но усиленной какой-то обидой, иронией, уже ему адресованной – чувством дразнящей, но верной особы)

– Голодная, приготовь чего-нибудь, уже скоро. Целую.

обыкновенная студентка. наверное, снимает комнату пополам с парнем. их много тут таких, студизусов – скорее всего, не томичка она, обознался. из Новосибирска или Омска, из академической семьи, поэтому такая чистая речь... нормальная первокурсница – кто ж нынче без парней? вот он и ждёт её, какой-нибудь веб-мастер, как и я работающий на дому в виртуальности Сети, а вечером награждаемый реальностью в её лице.

тут она вскакивает, сбрасывает монетки в ладонь кондукторши, властно берётся за поручень, даже не глядя в мою сторону. вид чёрных лосин сзади такой же не вдохновляющий, как вид спереди ниже лица – какая-то неприветливая плоскость при широкой расстановке ног. это всё не моё, и моим быть не желающее. я не ошибся – прыгать сейчас ей во след было бы просто глупо. однако я через сумку-якорь как-то накренился в её сторону, снова ожидая любого сигнала извне... но его не будет, она торопится – голодная юная женщина хуже стихии. если бы я её прижал где-то в подъезде и целовал, она бы дышала изголодавшимся нутром, слишком знакомый мне из моего прошлого (прошлого века, прошлого романа) запах...

на пустынной и ветреной остановке быстро выходит в серую тьму и возвращается как бы, будто автобус проехал лишнее. мы остались теперь вчетвером в автобусе – и тут-то молодой шофёр погасил свет в салоне, для экономии да разогнался вовсю. я всё так же улыбаюсь – может быть, с облегчением.

вот кто охранял меня надёжнее сумки – ещё не говорящий сынишка молодой семьи. он катит то вперёд, то по кругу свою пластмассовую жёлто-синюю, как моя рубаша, машинку. он ведёт нас в своё будущее, путём семьи. наши с женой шофёра молчаливые улыбки – говорят больше слов. она видела игру страстей на моём лице, видела и весёлую истерику глаз моих, мелькавших вслед за любым оконным светом по оба борта автобуса... и благодарна мне за такое, а не другое решение.

конечно, это бред. меня ждут три женщины, из которых самая маленькая – самая властная. её предать не имеет право не только моя мысль, но и мои пальцы, везущие ей всё, что в сумке... то забираясь на горы, то выруливая на новые круги, где автомобили меняют потопски свой курс – наш автобус следует неизвестным мне курсом, но домой.

и кажется мне уже, что это не автобус – поскольку высоко он так поднялся над светящимися окнами кварталами, – а самолёт. и он в ночи медленно планирует, снижается в город моей любви, моего и уже не моего, а моей наследницы будущего... на её родину.

я не вышел в микрорайоны приключений, благополучно миновал Второй микрорайон – и приехал в город многодетный, мне доселе невидимый, населённый такими вот семьями, как эта, шофёрская. город, живущий простыми, но очень важными жизненно заботами – живущий своим трудом и своей верностью. опора личная, семейная тут важна, как асфальт под колёсами. сколько он нарулит за месяц, этот мой ровесник-шофёр? тысяча пятнадцать, тут это ещё хорошо. я получаю вдвое больше, но оптимизма моего не заметишь. а он улыбается, летит, снижается и в свою семейную жизнь, в свой домашний вечер – снимет мальчонку с мотора, обнимет жену... видно, что роды не прошли для неё бесследно – она пополнела не только фигурой, но и лицом, поблекла, наверное. сидеть тут кондукторшей без движения – работа не сахар, сахар в термосном чае полнит, но она не теряет весёлого выражения лица, надежды родить братику сестричку. им хорошо вместе, они опора друг другу – каждый, поэтому мальчонка так уверенно давит на колёсики своей машинки. и это радует жену шофёра, не меньше, чем его самого... а моя жена куда красивее – просто красавица стройнейшая рядом с ней. только это не повод для высокомерия, это повод для солидарности. весь рабочий город сегодня – со мной, и держал меня, сжимая заботливыми стенами ПАЗика, как натруженными, пропахшими машинным маслом ладонями.

молчаливый мальчик давит на колёса своей машинки, ощущая ладонью жар мотора под кожухом – рабочий день отца позади. жена его спрашивает:

– В город поедем?

– А кто-то ещё едет, спроси?

- Молодой человек, вы ведь до акадЕма?
- Да, как и договаривались, но спасибо за экскурсию.
- Не за что... Вам где остановить?
- Да на остановке первой же, дом пять где.
- Можем прямо к подъезду.
- Второй этаж.
- Лестницу выдвинем...

весёлая жена – уже хорошо. наконец, как-то косо, тем самым Иркутским трактом, автобус приземляется в знакомый мне лесной пейзаж у скрещения мостов, и теперь путь до остановки кажется короче и проще. прилипшие к ладони пятаки и рубрики, эту более, чем заслуженную плату за проезд, ссыпаю торжественно жене, мальчик смотрит улыбаясь – он уже ощущает возвращение домой. автобус семейного подряда становится только семейным...

как же близко, но и далеко расположен нужный мне подъезд! близко от остановки и далеко от момента смешливого риска среди светящихся вокруг автобуса окон. вот и типовой домофон, железная дверь, покрытая досками, как во многих домах районов, где проезжали... всё ещё присутствует рядом неким эхом вероятность безумного вбегания в город и чужой подъезд наобум с незнакомкой. но нет: я уже другой, я уже не тот... короткое взбегание по лестнице, и я дома. и запах отработавшей свою смену духовки приветствует, сдобный, слоёный, с отдалённой примесью пороха – плита новая, не прожаренная ещё. и быт потребует новых покупок, приятный, верный быт...

у светящегося как те, что наблюдал в пути, окна, забравшись в родной интернет, всё ещё ощущаю круговое смещение пространства - эхо автобусных извилин, движение во мне продолжается. и как я счастлив, что мой прицел не сбился, и я оказался из тысяч – именно в этой комнате! а за стеной крепко спит и доверчиво сопит малютка, так похожая на моего дядю – и только я это знаю, и только на краткие месяцы это сходство будет видно, подчеркивая преемственность всего родного в моей жизни, которую я не променял на другую и которая могла бы оборваться сегодня же. и в этих лентах новостей, что я пробегаю в поиске самого худшего – было бы известие о странной гибели нарядного поэта в труппах...

зовут есть пиццу.